

УДК 726/727

Памятники культурного наследия Омской епархии сквозь призму церковно-государственных отношений

*Г.А. Кобзев, священник,
Н.В. Воробьёва
Омская духовная семинария*

В статье рассматривается изменение законодательства в РСФСР в сфере охраны памятников культуры после окончания Гражданской войны. Исследуется правоприменительная практика по отношению к закрытию храмов, являвшихся памятниками архитектуры.

Ключевые слова: *Охрана объектов культурного наследия, Омская область, памятники архитектуры, храмы.*

Cultural Heritage Monuments of Omsk Diocese through the Prism of Church and State Relations

*G. Kobzev, priest,
N. Vorobyova
Omsk Theological Seminary*

The article considers the change of legislation in the RSFSR in the field of protection of cultural monuments after the end of the Civil War. The law-enforcement practice in relation to the closing of temples, that were monuments of architecture, is studied.

Keywords: *protection of objects of cultural heritage, Omsk region, monuments of architecture, churches.*

После отречения императора Николая II 2 марта 1917 г. власть в стране перешла Временному правительству. Немногом ранее, 27 февраля 1917 года, обер-прокурор Синода Н. П. Раев и товарищ обер-прокурора князь Н. Д. Живахов выступили с предложением к Синоду публично осудить революционное движение, но это предложение не нашло поддержки у иерархов-членов Синода. Несмотря на то, что внутри Церкви зрело недовольство существующим положением церковно-государственных отношений, духовенство не имело полного единения по поводу нового политического процесса: кто-то продолжал служить молебны о здравии царской семьи, другие радовались падению самодержавия. В послании Священного Синода от 9 марта 1917 г. Церковь благословила новую власть¹. «Чрезвычайный Съезд духовенства и мирян Омской епархии выразил

¹ Послание Святейшего Синода ко всероссийской пастве («К верным чадам Православной Российской Церкви») 9 марта 1917 г.: ««Благодать вам и мир да умножится» [2 Петр. 1:2]. Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути. Святейший Синод усердно

Временному Правительству полное доверие, надеясь, что только единая, нераздельная, сильная власть выведет страну на путь порядка, доведёт войну до победы над врагом и ускорит созыв Учредительного Собрания, а свободной Православной Церкви даст возможность самоопределиваться на Поместном Соборе» [3]. Но Временное правительство, как показало время, направило политический процесс на создание внеконфессионального государства.

В новых отношениях оставался неясным вопрос собственности Церкви. После упразднения монархии церковная собственность оставалась в ведении государства. Изменять статус церковного имущества, в том числе недвижимого, Временное правительство не спешило до созыва Учредительного Собрания и появления законной власти. Фактически церковные здания переходили под контроль местных властей. Финансирование Духовного ведомства правительство продолжало, хотя и в меньших размерах, но для Церкви оставалась возможность существования.

20 июня 1917 г. вышло постановление Временного правительства о передаче церковно-приходских школ (а их было в России около 37000) Министерству народного просвещения. Антиправославный характер этого определения проявился, в частности, в том, что, отбирая подобные школы у Церкви, Временное правительство оставило конфессиональные школы у лютеран, армян, евреев, магометан [1, с. 143].

Следующим постановлением от 14 июля 1917 г. «О свободе совести» Русская Церковь была уравнена в правах с другими конфессиями. Следствием этого стало исключение преподавание «Закона Божьего» из обязательного курса, после чего предмет переходил на уровень факультатива с дальнейшим исключением его из программы обучения, тем самым подрывалось духовное просвещение народа. С каждым таким шагом государство само удалялось от Церкви и до завершения выхода Церкви из подчинения государству Временное правительство образовало «Министерство исповеданий», до окончания Поместного Собора, на котором должны были определиться новые государственно-церковные отношения.

На волне революционных настроений народ ожидал новых «свобод», в том числе церковных богатств и земель. В Свято-Троице-Сергиевой, Киево-Печерской и Почаевской лаврах революционные советы для своих агитационных нужд экспроприировали церковные типографии [26, с. 309–310].

«Омские епархиальные ведомости» писали: «В Омске ежедневно около загон скота и около водопроводных будок ругают попов, говорят, что скоро храмы будут уничтожены, золото и серебро отберут на нужды народа» [8]. Случаи отнятия церковной земли у приходского духовенства в Омской епархии также имели место.

В августе 1917 г. начал работу Поместный собор Российской Православной Церкви, результатом деятельности которого было восстановление патриаршества и принятия множества соборных решений, определивших дальнейшую жизнь Церкви в новейшей истории России.

молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчинённых ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного её устроения».

Работа Поместного собора продолжалась больше года, до сентября 1918 г., и участники собора были свидетелями революционных событий в Москве. Некоторые делегаты «обнаружили политическую наивность» [12, с. 347], понадеявшись на диалог с новой властью, так как в постановлениях Поместного Собора в частности (по вопросам церковной собственности) провозглашалось:

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковною властью.

22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию, а самые установления не могут быть упразднены без согласия церковной власти.

23. Имущества, принадлежащие установлениям Православной Церкви, не подлежат обложению государственными налогами, ...

24. Православная Церковь получает из средств Государственного казначейства по особой смете, составляемой высшим церковным управлением и утверждаемой в законодательном порядке, ежегодные ассигнования в пределах её потребностей, представляя отчётность в полученных суммах на общем основании [25, с. 8].

Ответом большевиков стали декреты, которые ударили по имуществу Церкви. Декрет «О земле» от 28 октября 1917 г. лишил монастыри и приходы земельных наделов. С национализацией банка Церковь теряла все капиталы и ценные бумаги. Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, религиозных обществах» [7] декларировал радикальные изменения в церковно-государственных отношениях:

Ст. 12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

Ст. 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Были национализированы все церковные приюты и больницы, свечные заводы и мастерские по производству церковной утвари, типографии и доходные дома. Таким образом, декрет лишил церковь не только средств, получаемых от государства, но и собственных источников дохода.

Декрет «О передаче в ведение Народного Комиссариата Просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» от 5 июня 1918 г. лишил Церковь семинарий и Духовных академий и, соответственно, имущества.

В инструкции к Декрету «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» подчёркивалось, что все ценности, имеющие художественное значение, переходили в ведомство Наркомпроса, где проводилась их атрибуция. Выделенные «уники»¹ направлялись в музеи, остальные «передавались общинам верующих на правах арендных договоров» [20, с. 53].

Политика национализации частной собственности и церковного имущества была основной финансово-экономической составляющей Советского государства, так как сосредотачивало в своих руках максимум материальных и финансовых ресурсов. Советская власть с первых дней своего существования столкнулась с финансовыми трудностями. Согласно отчёту Наркомфина, реквизированный банковский капитал в ноябре 1917 г. составлял 1064,3 млн. золотых рублей.

¹ т. е. «уникальные»

Из этой суммы выплата в 1918 г. Германии по Брестскому договору составила 812,2 млн. золотых рублей; 235,5 млн. золотых рублей было захвачено и израсходовано адмиралом Колчаком [14, с. 20–26]. Поэтому, чтобы избежать финансовой катастрофы, власть искала источник пополнения бюджета и к культурному наследию Церкви имела однозначную позицию: одну часть преобразовать в финансы, а другую – перевести в культурное пространство.

21 января 1918 г., вернувшись с сессии Всероссийского Собора, епископ Сильвестр рассказал о том, что увидел в Москве, в том числе об обстреле Кремля, произнёс проповеди, в которых раскрывал понятие свободы совести и значение изданного декрета об отделении Церкви от государства [27, с. 171]. А уже 30 января 1918 г. Исполком Совета депутатов города Омска потребовал очистить здание Духовной консистории, а также передать имущество Архиерейского дома под размещение советских учреждений [18, с. 36].

Состоялись приходские собрания во всех храмах города, в результате чего было принято «Общее постановление духовенства и мирян всех церквей города Омска» [18, с. 38]. Духовенство и миряне города решили встать на защиту своих храмов и святынь. К тому же в городе стал распространяться слух, что Успенский кафедральный собор собираются передать под лазарет. Наиболее активные прихожане создали нелегальный «Союз православных христиан». Союз начал распространять листовки, в которых говорилось: «Братья казаки, братья солдаты! Слыхали ли вы, что Омский совет народных комиссаров решил, согласно декрету из Петрограда, изданного под председательством Иоселя Абрамовича Троцкого-Бронштейна, отобрать омский кафедральный собор и ваш омский Никольский казачий собор? Неужели вы отдадите, чтобы они там устроили больницу, а может быть, кинематограф с развратными картинками... Не весь православный русский народ, а несколько комиссаров решили уничтожить православные церкви, построенные на трудовые народные деньги, и своим декретом оскорбили веру стомиллионного православного русского народа» [28, с. 73].

17 февраля 1918 г. в городе прошел протестный крестный ход. Новые власти для наведения порядка провели карательные мероприятия, вследствие которых эконо́м архиерейского дома Николай Цикура был убит, а епископ Сильвестр и ещё несколько человек были арестованы.

В Омском архиве находится письмо, адресованное к директору Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенкову от некоего Митрофана Столповского, где он описывает события февраля 1918 г.: «...как-то встали утром, и нам сообщили, что ночью слышен был звон большого соборного колокола. Вскоре заговорили: арестован архиерей, убит келейник. Часов около 10 утра мне пришлось идти через Соборный сад (Сад пионеров). Когда я вошел в сад, мне навстречу быстро шёл мужчина из простолюдин в пиджаке нараспашку, очень возбужденный, красный и громко говорил: «Они за церковь взялись, стреляйте <...> умру за веру Христову». Около собора была толпа, преимущественно женщины. По саду и около церкви ходили воины. Раздавались выстрелы <...> Оказалось, из Екатеринбурга (Свердловска) прибыл отряд Запкуса¹. Один вид воинов этого отряда приводил в ужас: в больших папахах, полушубках, за поясом револьверы, гранаты и на

¹ Василий Запкус, или Зайпкус, – командир «Северного морского карательного отряда». Руководил установлением советской власти в Тюмени.

боку сабли в металлических ножнах. Приехав в Омск, эти воины первым делом арестовали архиерея. При аресте архиерея был убит келейник, когда он открывал дверь, так, из любви к искусству. Келейника я знал. Он каждый месяц приходил в Управу платить деньги за электроэнергию, отпускаемую в архиерейский дом со станции при городском театре. Это был тихий, смиренный послушник лет 30-ти, конечно, он не мог оказать какого-нибудь сопротивления» [11, Л. 60–61 об.]. Как можно понять, сакральное пространство города было народным достоянием, построенным на народные деньги, и народ не хотел его потерять, потому и встал на защиту своих святынь. Революционные реформы, направленные на национализацию храмов, были остановлены.

7 июля 1918 г., Советская власть в Омске была упразднена, на территориях занятыми белыми «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» был отменён. Имущество Церкви и земли были возвращены, на какое-то время вернулась прежняя жизнь. Архиепископ Сильвестр возлагал большие надежды на адмирала А. В. Колчака, и в начале 1919 г. привёл его к присяге как нового Верховного правителя России.

После ухода белых в январе 1920 г. архиепископ Сильвестр в архипастырском послании на праздник Богоявления Господня призвал священнослужителей и прихожан к долгу законного подчинения к «народно-государственной советской власти» [30, с. 597]. После этого начался процесс отчуждения в пользу государства культурного и архитектурного наследия в Омской епархии. Первым шагом властей было закрытие Омской Духовной консистории в 1920 г. С 1921 по 1922 г. в Омске национализировали все культовые здания. Домовые и ведомственные храмы, а их было 12, были закрыты и ликвидированы. Но государство ещё не было готово полностью закрыть все храмы. Тогда согласно ст. 13 «Декрета» [7],¹ местные власти позволяли проводить богослужения в своих храмах и пользоваться богослужебными предметами. Таким образом, власти пока признавали религиозные общины, но не единую Церковь и её иерархию.

Голод, поразивший страну в 1921 г., стал ещё одним шагом к изъятию уже национализированного церковного имущества, отданного в «безвозмездное пользование верующим». К марту 1922 г. страдало и умирало от голода более 30 млн. человек [21].

23 февраля 1922 г. вышло Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Патриарх Тихон согласился предоставить на нужды голодающих «неосвященную» церковную утварь, обычно изготовленную из драгоценных или полудрагоценных металлов, так как освященная утварь не могла использоваться в мирских целях, это воспринимается как святотатство. В. И. Ленин на предложение патриарха Тихона не откликнулся.

Кампания по изъятию церковных ценностей в Омской губернии началась 8 апреля 1922 г. и закончилась в конце мая. Результаты конфискации ценностей из всех церквей города составило: золотых изделий – 38,5 фунтов 36 золотников 48 долей (ок.18–19 кг.); серебряных изделий – 35 пудов 10 фунтов (ок. 578 кг.)

¹ Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», Ст. 13: «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

[22, с. 349; 5; 6, с. 37]; драгоценных камней в омских церквях не оказалось. Сумма всего изъятого составила ок. 20 тыс. рублей. В синагогах и мечетях брать было нечего, и конфискация их не коснулась.

Многие из реквизированных вещей имели художественную ценность, часто уникальные, изготовленные индивидуально для какого-либо храма. В конце 1922 г. газета «Известия» охарактеризовала эффективность кампании «до смешного пустяковым», всего 23 997 пудов серебра и небольшое количество золота и жемчуга, в денежном выражении равный сумме от 4 до 10 млн. долларов, при стоимости серебра от 52 до 74 центов за унцию сумма должна была равняться приблизительно 8 млн. долларов [10, с. 3].

Согласно Уолтеру Дюранте, «почти невозможно» получить точные цифры, но, судя по всему, «было реализовано не более 4 млн. долларов, а скорее всего – много меньше». И хорошо, если хоть ничтожная доля этого пошла на борьбу с голодом [21, с. 113]. **Конфликт между государством и Церковью, резко обострившийся** в результате изъятия церковных ценностей, требовал немедленного разрешения. Советская республика добивалась международного признания на Генуэзской конференции в апреле 1922 г., а борьба с Церковью портила внешнеполитическое реноме РСФСР и подрывало к нему доверие. Ем. Ярославский¹ говорил: «Поскольку мы вступаем в сношения с буржуазными государствами, мы должны создать в стране Религиозный НЭП» [29, с. 165]. При помощи ВЧК-ОГПУ началась работа среди недовольного своим положением в Русской Церкви духовенства, направленная на ее раскол. Так появилось обновленческое течение «Живая церковь». Инициаторами раскола выступила группа петроградских священников. Раскол Православной Церкви в Сибири начался с событий в Томской епархии, где было образовано Сибирское управление во главе со священником Петром Блиновым². Вскоре он приехал в Омск уже как обновленческий епископ и приписал к «Живой церкви» все приходские общины Омска. Расчёт властей, направленный на внутреннецерковный раскол, оправдался: обновленческие церкви оставались пустыми. В мае 1924 г. решением губисполкома «ввиду наличия наиболее полных гарантий выполнения условий договора обществом обновленческого движения, набравшего необходимое число подписей» Никольский собор был передан живоцерковникам (в сентябре 1928 г. выяснилось, что в церкви устроен притон: все изорвано, поломано, разбросано, разграблено) [30, с. 599].

Обновленческие приходы были фиктивными, вследствие чего храмы пустовали и подвергались разграблению. С приходом на омскую кафедру архиепископа Виктора (Богоявленского) (с марта 1924 по 1929 г.), который стал разьяснять пагубность обновленческого раскола, уже к середине 1925 г. из 19 православных храмов у обновленцев остались 3, все остальные православные приходы перешли к Тихоновскому течению [5]. Одни из лучших храмов Омска – Никольская казачья церковь, Успенский кафедральный и Воскресенский военные соборы, – побывавшие у обновленцев, были закрыты.

В октябре 1928 г. община Свято-Никольского казачьего собора не смогла внести залог 22 тыс. рублей за аренду храма, на тот момент уже разорённого, поэтому поль-

¹ Емельян Михайлович Ярославский (урожденный Миней Израилевич Губельман) – российский революционер, советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Председатель «Союза воинствующих безбожников» и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б). Академик АН СССР (28.01.1939).

² С ноября 1922 г. по 1935 г. – митрополит «всёя Сибири».

зоваться помещением власти не разрешили. Формально законность была соблюдена. В 1927 г. исполнявший обязанности окрпрокурора посылает в окрадмотдел секретный запрос: «Почему расторгнут договор с никольской общиной и ходатайство не рассматривается?» Аргумент в отказе был «веским» – здание не ремонтируется. Ситуация была закономерной, так как настоятель, закреплённый за церковью, обновленец Г. В. Товкачев уведомлял, что община не существует» [30, с. 600].

10 ноября 1928 г. здание Никольской казачьей церкви было передано под культурные нужды. В дальнейшем по такой схеме были закрыты все церкви города. На инструктивном совещании начальников райадмотделов в декабре 1928 г. было постановлено «от ремонта церковных зданий воздержаться и требовать такового только от тех общин, здание которых исправить уже не представляется возможным, ввиду максимальной затраты на них средств, коих верующие, благодаря большого их размера, внести не смогут и тем самым нарушат договор, что является основанием для их закрытия» [30, с. 600]. Одновременно шла индивидуальная работа среди верующих. Таким образом, много общин распалось. Сохранились расписки, в которых члены религиозных общин давали согласие на закрытие церквей. Западная Сибирь отличалась особым рвением в закрытии церквей. Партийно-государственное руководство при внешнем уничтожении религии не имело полного единодушия в этом деле. Поэтому создаётся «Комиссия по вопросам закрытия церквей», которая стремилась внести в этот процесс рамки законности, отмечая факты нарушения: а) закрытие храма в административном порядке без разрешения населения (Ленинск – пригород Омска); б) закрытие по решению узкого собрания, состоящего из членов РКП и КСМ; в) применение угроз, административного давления с целью заставить голосовать «за» (Тарский округ); г) отсутствие тактичного отношения, поломка предметов религиозного культа, насмешка над верующими...; д) массовое огульное закрытие в целом районе, что создает почву для враждебных элементов. На основе этой резолюции 5.06.1929 г. был составлен циркуляр ЦК «О тактичном подходе к закрытию церквей» [13, с. 89]. Борьба с религией продолжалась, но приобретала форму законности. Храмы закрывались и оставались бесхозными. В Омске со свободными помещениями было затруднительно, поэтому на здания церквей претендовало много учреждений. Культовые здания варварски перестраивались и эксплуатировались. После окончательного закрытия храмов всё церковное имущество переходило в государственные фонды. В феврале 1935 г. в комиссию по делам культур при облисполкоме поступил циркуляр Наркомата финансов СССР, потребовавший взять на госучет находящиеся в молитвенных зданиях предметы культового характера из драгметаллов. В Омске создали комиссию, в которую входили инспектор ГорФО, представители Госбанка и областного краеведческого музея. С февраля 1938 г. началась опись церковного имущества, и в Хозяйственный отдел НКВД Москвы было отправлена посылка на 500 кг.: ковры, парчовые покрывала, ризы и другое имущество. Через 2 месяца в Наркомат финансов СССР отправили 16,5 кг. драгметаллов: это были кресты, потиры и ковши. Всё описанное имущество хранилось на складах Омского драмтеатра и ТюЗа, где также уничтожалось ненужное: иконы, церковные книги и прочее «не имеющее ценности» имущество. Всё, что представляло хоть какую-то ценность, продавалось населению через магазин № 2 [17, с. 6]. Распродажа проводилась согласно декрету 1924 г. «О выделении и реализации государственного имущества».

25 мая 1939 г. в Омске открылась первая областная конференция Союза омских безбожников. К этому времени были ликвидированы все служители религиозного культа и культовые здания. К началу Великой Отечественной войны на территории Сибири были закрыты все церкви.

Итог: первые 20 с небольшим, лет Советской власти оставили в Омске специфические следы. После Гражданской войны город строился, развивались индустриализация, но в то же время ограничивали и стесняли право граждан на исповедание своей веры.¹ Идеологические предпосылки сформировали определённую политику в отношении Церкви, создавая вид законности, государство же ставило своей целью разрушение религиозных институтов. Осуществление этой задачи происходило в несколько этапов. Сначала национализация храмов, затем передача их лояльным по отношению к власти обновленцам. Следующим шагом было искусственно созданные условия, по которым принудительно закрывались и отнимались храмы. Из 20 церквей и часовен в первые 20 лет коммунистическим правительством было уничтожено 7, ещё 5 храмов – в последующие годы. Подобные процессы коснулись всех конфессий в Омском регионе.

Утрата храмовой архитектуры серьёзно изменила исторический облик города. Разрушение храмов началось в 1928 г. с Серафимо-Алексеевской часовни, и основная волна пришлась на 30-е годы XX в. Архитектура Омска понесла невосполнимые потери, так как разрушению подверглись самые старинные храмы: Воскресенский собор, воплотивший в себе синтез западно-европейских и исконно русских традиций, и Ильинская церковь – уникальный памятник, относившийся к немногочисленной группе двухколоколенных храмов раннего классицизма в России. Уничтожены крупнейшие и красивейшие церкви в неорусском стиле – Успенский собор и Святотроицкий храм на станции Омск.

Литература

1. Алексей Николин, священник. Церковь и государство. – М., 1998.
2. Благодатный Д. В. История Никольской Казачьей Церкви. Выпускная квалификационная работа. – Омск: Омская духовная семинария, 2018.
3. Бюллетень № 1 Съезда духовенства и мирян Омской епархии. – 23 мая 1917 г.
4. Васильева С., Лебедева Н., Лосунов А. Омский Успенский кафедральный собор: альбом. – Омск: Изд. НПО «Мостовик», 2008.
5. Воробьёва Н. В., Лосунов А. М., Олихов Д. В., Суховецкий В. А. Омская епархия // Православная энциклопедия. – Т. 52. – М.: Православная энциклопедия, 2019.
6. Вячеслав Суховецкий, священник. «А имущество подлежит изъятию!..» // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2017. – № 2 (3). С. 35-40.
7. Декреты Советской власти. – Т. I. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.

¹ Ст. 2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

Ст. 3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие правоприменения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются. ДЕКРЕТ от 23 января 1918 года ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ

8. Доклад на Чрезвычайном Епархиальном Съезде // Омские епархиальные ведомости. – № 24. 11 июня 1917 г.
9. Жук А.В. Иерархи Омской Церкви. – Омск, 2008.
10. Известия. – 1922. – 19 дек.
11. Исторический архив Омской области. – Ф. Р-2200. – Оп. 2. – Д. 1883. – Л. 60–61 об.
12. Каноническое право / протоиер. Владислав Цыпин. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 863 с. – С. 347.
13. Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та: – Издатель-Полиграфист, 2003.
14. Личак Н. А. Н. И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 288.
15. Личак Н. А. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Ярославской губернии в 1922 г. // Университетский научный журнал. – 2015. – № 11. – С. 20–26.
16. Лосунов А. М., Сорокин А. П. «Работать дальше... невозможно» // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья. – Вып. 4 (2). – Омск: Изд. ОмГПУ, 2010.
17. Огородникова Л. // Четверг. – 13.02.2003.
18. Омский Успенский кафедральный собор: науч.-попул. сб. / А. М. Лосунов и др. – Омск: Фонд охраны археол. наследия, 2007.
19. Опыт возрождения храмоводательства / Под общ. редакцией Нелепова А. Р. – Омск: Изд. СибАДИ, 1999.
20. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов / Под ред. М. А. Полякова. – М.: Дрофа, 2005.
21. Пайпс Р. Русская революция. – М.: Захаров, 2005.
22. Перминов Ю. П. Свято-Ильинский собор. – Омск: Региональный общественный фонд «Духовное наследие», 2017.
23. Попов С. А. Православные храмы в культурно-историческом пространстве Омской области. – Омск: Амфора, 2014.
24. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918. Определения. – Вып. 2. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013.
25. Собрание определений и постановлений Священного собора Российской православной церкви. – Вып. 3. – М., 1918.
26. Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – СПб., 2014. – С. 309–310.
27. Суховецкий В. А., свящ. Летопись церковных событий города Омска с 21 января по 22 февраля 1918 г. // Церковь. Богословие. История. Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). – Екатеринбург, 2018.
28. Феодосий (Процюк), митр. В вере ли вы? Житие и труды священномученика Сильвестра, архиепископа Омского. – М.: Воскресенье, 2006.
29. Черазьянова И. В. Обновленчество в Сибири // Известия Омского государственно-исторического музея. – 1994. – № 3. – Омск.
30. Энциклопедия города Омска: в 3 т. / науч.-ред. совет: В. Ф. Шрейдер (пред.) и др. – Т. 1. От прошлого к настоящему. 1917–1991 годы: судьбы традиционных конфессий. – Омск: Лео, 2009–2011.